

ПРАВО

УДК 347.9

В.А. Уткин

ОСНОВАНИЯ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

В работе критически анализируется современное состояние предусмотренной УК РФ совокупности уголовных наказаний, отмечаются ее существенные недостатки, препятствующие полноценной реализации альтернатив лишению свободы. Предлагаются ряд перспективных мер по коренному изменению системы наказаний и порядка их отбывания.

Ключевые слова: система наказаний; альтернативные наказания; принудительные работы; исправительные центры.

В последнее десятилетие число заключенных в России на 100 тыс. населения превышает 620, что более чем вдвое выше аналогичного среднего показателя стран – членов Совета Европы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2010 г. к реальному лишению свободы в России были приговорены 265 тыс. человек, или 31,2% всех осужденных [1]. В исправительных, воспитательных колониях и тюрьмах содержалось более 730 тыс. человек. По официальной статистике ФСИН России, в 2010 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состояло свыше миллиона осужденных условно и к большей части наказаний без изоляции от общества. Тем не менее сокращение применения реального лишения свободы к относительно менее опасным преступникам остается актуальной задачей государственной политики [2. С. 39; 3; 4]. Однако несмотря на усилия в направлении развития альтернативных уголовно-правовых санкций, отечественная уголовно-исполнительная система продолжает сохранять тот преимущественно «пенитенциарный облик», который унаследован ею с советских времен.

Важным шагом в формировании ее дальнейшей «сбалансированности» призвана стать Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства России 14 октября 2010 г. Концепция предусматривает основные направления, формы и методы совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы, ее взаимосвязь с государственными органами и институтами гражданского общества.

Детальный анализ этого документа и перспектив его реализации выходит за рамки данной статьи. Отметим лишь, что успех осуществления Концепции в важной, если не в определяющей, степени зависит от состояния уголовного правосудия, которое, в свою очередь, должно опираться на современное уголовное законодательство, закрепляющее в интересах защиты личности, общества и государства систему уголовных наказаний как социально и криминологически обусловленную целостную совокупность взаимосвязанных наказаний, необходимых и достаточных для адекватного уголовно-карательного противодействия существующей в обществе преступности с учетом типовых характеристик личности отдельных категорий преступников.

Отметим, что существует множество заслуживающих внимания определений системы наказаний [5.

С. 223–248]. Общими их недостатками, по нашему мнению, являются:

- отождествление целей системы с целями наказания;

- недостаток внимания к таким важным сторонам данной системы, как ее социально-криминологическая (а не просто социальная) обусловленность;

- необходимость и достаточность ее элементов.

Важно и то, что исходя из объекта пенализации, система наказаний должна учитывать, помимо прочего, своего рода «социально-усредненные» свойства типовых категорий преступников.

Начнем с последнего. Очевидно, что наказание (во всяком случае, в рамках используемой российским законодателем классической теории) носит возмездный характер и главным основанием имеет совершенное преступление, что отражено, в частности, в ч. 3 ст. 60 УК РФ. Но наказывается всегда конкретный преступник, и вполне естественно, что с позиций установленных законом целей наказания при его назначении должны учитываться личность виновного, а также «влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи» [Там же]. Эти, впрочем, достаточно тривиальные суждения не могут не привести к выводу, что если закон предусматривает градацию наказаний в зависимости от степени тяжести совершенных преступлений (ст. 15 УК), столь же логично предположить необходимость классификации наказаний, исходя из их социально-криминологической обусловленности в зависимости от неких собирательных типовых свойств отдельных категорий преступников. Попытки такого подхода уже имели место, в том числе и в истории уголовного права (например, при обосновании так называемых «естественных» наказаний). Практика показывает, что при решении вопроса о наказании суды зачастую, в сущности, вполне обоснованно, но нередко интуитивно исходят и из возможного прогноза развития взаимоотношений осужденного и социальной среды. Последняя, как известно, в одном отношении способна выступать криминогенным, нейтральным либо антикриминогенным фактором. В другом – представлять собой сферу криминальной активности самого осужденного.

С учетом изложенного и с известной долей условности в этом отношении можно разделить всех осужденных на три категории:

- 1) объективно нуждающиеся в отрыве от социальной среды и в изоляции от общества;

2) нуждающиеся в отрыве от социальной среды, но не нуждающиеся в изоляции от общества;

3) не нуждающиеся ни в отрыве от социальной среды, ни в изоляции от общества.

Нетрудно заметить, что если применительно к первой и третьей категориям эти задачи так или иначе решаются лишением свободы в его разновидностях и существующими (включая условное осуждение) альтернативными мерами, то для второй категории адекватных мер ныне нет. До 1994 г. эту задачу решало условное осуждение с обязательным привлечением к труду (так называемая «химия»), предусмотренное ст. 24² УК РСФСР. В УК РФ 1996 г. эту «нишу» должно было занять ограничение свободы, отбываемое в исправительных центрах. Однако последние за неполные полтора десятилетия так и не были созданы, а ограничение свободы в версии 2010 г. – это уже совершенно иное наказание, не восполняющее отмеченные криминологические потребности.

Другая немаловажная характеристика перечня наказаний как системы – необходимость и достаточность ее элементов. Во всякой системе их должно быть не менее и не более, чем необходимо. Первое означает, что в системе наказаний не должно быть «пробелов» (пример такого «пробела» приведен выше). Второе – нежелательность и даже недопустимость «избыточных» наказаний (и шире – уголовно-правовых санкций), конкурирующих между собой, дублирующих друг друга, взаимно препятствующих их реализации, нарушающих системные связи, а в итоге порождающих «девальвацию» отдельных наказаний и дезориентирующих судебную практику.

Насколько отвечает системным критериям и адекватно ли реализуется в практике та законодательная модель применения (назначения и исполнения) уголовных наказаний, которая закреплена ныне в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах? Обращение к предусмотренному ныне в ст. 44 УК РФ перечню наказаний приводит к печальным выводам о наличии в нем серьезных недостатков системного свойства. В числе наиболее значимых следующие:

- недостаточные проработка и учет социально-криминологических основ системы наказаний в целом, фактическое игнорирование в ней упомянутых типовых особенностей отдельных категорий преступников (например, при исправительных работах, ограничении свободы в ред. 2010 г.);

- «избыточность» ряда уголовных наказаний (это касается, в частности, четырех самостоятельных видов лишения свободы, двух видов наказаний, ограничивающих трудовые права граждан, наличие неприменимой в течение полутора десятилетий смертной казни);

- введение в Уголовный кодекс заведомо «мертворожденных» наказаний (арест);

- несоответствие между легальной и фактической репрессивностью некоторых видов наказаний (штраф, в особенности в его особо крупных размерах, обязательные работы);

- неоправданная конкуренция между наказаниями и иными сходными мерами уголовно-правового характера (ограничение свободы в ред. 2010 г. и условное осуждение);

- недостаточно конкретное или неполное определение содержания и оснований назначения ряда наказаний (исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

- противоречие между легальной и фактической (назначаемой судами) системами мер уголовно-правового характера (в том числе чрезмерно высокая доля условного осуждения в судебной практике);

- отсутствие необходимой «ступенчатости» в системе уголовных наказаний, учитывающей в том числе наказания, «промежуточные» между «свободой и несвободой»;

- несоответствие идеальной (отраженной в законе) и реальной (применяемой на практике) логики назначения наказаний и применения иных уголовно-правовых санкций;

- нарушение важных принципов уголовного права при определении содержания и порядка реализации некоторых наказаний (ограничение свободы в ред. 2010 г., штраф в отношении несовершеннолетнего осужденного);

- недостаточная обоснованность, противоречивость и непоследовательность многих законодательных новелл (2003, 2006, 2010 гг.).

Отмеченные недостатки системы наказаний усугубляются несовершенством организационно-правового механизма их исполнения. Это обстоятельство применительно к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, ведет к утрате ими должной степени альтернативности лишению свободы, а в сфере лишения свободы существенно затрудняет достижение целей наказания.

Возьмем на себя смелость утверждать, что в условиях действующего уголовного законодательства, современного состояния и структуры преступности исчерпаны все сколько-нибудь значимые резервы либерализации уголовной политики (которую часто, но, на наш взгляд, некорректно именуют «гуманизацией») в направлении роста удельного веса альтернативных санкций.

В упомянутой выше Концепции, в частности, указывается, что за несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло к 2010 г. 80% общей численности осужденных к лишению свободы. Конечно, частные, порой формальные улучшения возможны, но не более. Об этом, на наш взгляд, убедительно свидетельствует негативный опыт применения ограничения свободы в его новой версии в 2010 г.

В январе 2010 г. ряд журналистов, ссылаясь на руководство ФСИН России, прогнозировали, что к этому наказанию будет осуждаться свыше 100 тыс. человек ежегодно и за счет этого резко сократится «тюремное население» [6]. По данным Федеральной службы, в 2010 г. к ограничению свободы было приговорено всего 8 015 осужденных, из них 8 004 человека состояло на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Это всего 0,8% всех состоявших на учете в 2010 г. Как тогда понимать широкоэскапаторские заявления в ведомственной печати [7. С. 4]?

В этом отношении нельзя обойти попытку создания нового альтернативного уголовного наказания в виде

«принудительных работ», получившую широкое освещение в ведомственной печати и ряде средств массовой информации [8]. Ссылка на «гуманизацию» и некие «международные стандарты» в подобном пиаре стала уже давно общим местом.

По замыслу авторов соответствующего законопроекта, отбывание «принудительных работ» должно проходить в «исправительных центрах». Тех самых, которые так и не удалось создать по экономическим причинам начиная с 1997 г., в силу чего ограничение свободы в версии 2010 г. стало неким весьма затратным гибридом условного осуждения. С какой стати они появятся в будущем? Видимо, понимая щекотливость ситуации, разработчики планируют отсрочить введение в действие принудительных работ до января 2013 г. Это, впрочем, мы уже проходили...

К тому же даже не юристу, знакомому с Конституцией, ясно, что предлагаемое наказание по его наименованию прямо противоречит ее ст. 37: «Принудительный труд запрещен». Как быть в этом случае и с международными обязательствами России? Ведь принудительная работа прямо запрещена, в частности, ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Тем не менее социально-криминологическая потребность в наказании, отрывающем осужденного от привычной социальной среды, но не изолирующем его от общества, остается, и эту задачу также рано или поздно придется решать.

С учетом изложенного вряд ли можно сомневаться в потребностях не «косметического», а глубокого реформирования системы уголовных наказаний, точнее — ее модернизации в современных социально-экономических условиях и с учетом криминологических факторов.

Не предвзято всех путей такой модернизации, полагаем целесообразным создание для этих целей общественно-государственного экспертного совета, возможно, под эгидой Общественной палаты РФ. Что касается возможных конкретных направлений для обсуждения, отметим следующие:

- ратификация Россией Протокола № 6 1983 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и отмена смертной казни.

- отказ от «ограничения свободы» в современном виде как от затратной, конкурирующей с условным осуждением, и не влияющей на статистику лишения свободы меры; возврат к ограничению свободы в версии 1996 г.; создание сети исправительных центров для его отбывания на базе существующих и предполагаемых колоний-поселений двух видов [4. С. 123–125].

- Объединение наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ в одно наказание — «исправительные работы» трех видов: исправработы по месту основной работы, исправработы «в иных местах» и бесплатные исправработы, отбываемые в свободное от работы или учебы время (вместо существующих обязательных работ). Значительное увеличение продолжительности последних до 800–1000 часов (возможно, вначале — по совокупности преступлений или приговоров) с заменой их в случае уклонения в пропорции

«один день лишения свободы за один час неотбытых работ».

- В случае если отказ от ограничения свободы в его нынешнем варианте по тем или иным причинам (скорее, не связанным с потребностями карательной практики) не произойдет, нужно предусмотреть в УК исправительные работы в следующих вариантах:

- а) оплачиваемые исправительные работы по основному месту работы и в «иных местах»;

- б) бесплатные исправительные работы (см. выше);

- в) исправительные работы, сопряженные с пребыванием осужденного в исправительном центре.

- Объединение наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного в одно наказание — лишение свободы, устранение из системы наказаний наказания в виде направления в дисциплинарную воинскую часть. Ввод в действие наказания в виде ареста исключительно в отношении военнослужащих с отбыванием его на гауптвахтах.

- Изъятие конфискации имущества из Уголовного кодекса (как «меры уголовно-правового характера»), придав ей (в специальном законе) качество «имущественной меры криминологической безопасности» при совершении ряда преступлений (террористической, организованной, коррупционной направленности). Возложение бремени доказывания законности происхождения имущества на лицо, осужденное за преступление коррупционного характера, если есть достаточные основания полагать, что данное имущество получено незаконно, в том числе в результате актов коррупции (т.е. в порядке конфискации «in rem»).

- Повышение минимальной суммы штрафа до 10 тыс. рублей, восстановление возможности принудительного его взыскания в качестве основного наказания, установление возможности замены штрафа при злостном уклонении от его уплаты вначале — административным арестом до 30 суток, в дальнейшем — обязательными работами пропорционально средней заработной плате в стране и лишением свободы пропорционально неуплаченной без уважительных причин сумме штрафа. Отмена возможности уплаты штрафа за несовершеннолетнего родителями (опекунами).

- Возврат института передачи на поруки (условного характера) по преступлениям небольшой и средней тяжести (в особенности в отношении несовершеннолетних) по ходатайствам отдельных, заслуживающих доверия лиц, обеспеченных их залогом (на срок до двух лет).

Разумеется, необходимы и дополнения в порядок организации отбывания наказания, касающиеся в первую очередь структуры мест лишения свободы и организационно-правовых средств обеспечения реализации альтернативных наказаний.

Здесь, на наш взгляд, необходимо обсудить следующее:

- Переход к исправительным учреждениям «гибридного» типа, соединяющим в себе колонийские (с проживанием осужденных в общежитиях) и тюремные условия содержания (с содержанием в камерах в строгой изоляции).

- При сохранении принципа раздельного содержания различных категорий осужденных отказ от много-

численной градации режимов и условий содержания, делающей действующую систему отбывания лишения свободы громоздкой, неуправляемой и неэффективной, несмотря на попытки ее модернизации путем так называемых «социальных лифтов».

– Переход от назначения вида режима судом к существовавшим ранее «распределительным комиссиям», определяющим вид режима прежде всего с учетом опасности личности осужденного.

– Отказ от судебного порядка условно-досрочного освобождения, создание советов по досрочному осво-

бождению с участием представителей местных властей, органов юстиции и общественности и с возможностью судебного обжалования.

– Возможность продления судом срока содержания в исправительных учреждениях лиц, упорно демонстрирующих нежелание принять нормы и принципы общества и государства (аналогично тому, как это существует ныне, например в ФРГ), либо незначет в срок наказания времени, проведенного осужденными в порядке дисциплинарного взыскания в штрафном изоляторе, помещении камерного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов В. Свобода по тарифу: Число арестантов в стране снизилось почти на 10 тысяч человек // Российская газета. 2011. 27 апреля.
2. Зарембинская Е.Л. Гуманизация УИС в свете современных требований // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 10. С. 39.
3. Куликов В. Потрудитесь ответить. Преступников в качестве наказания будут направлять в исправительные центры на принудительные работы // Российская газета. 2011. 22 марта.
4. Демченко В.Д. Кто виноват и что с ним делать? Интервью с Министром юстиции РФ А. Коноваловым // Известия. 2010. 29 октября.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 8: Уголовная ответственность и наказание. СПб., 2007. 600 с.
6. Куликов В. Преступная свобода // Российская газета. 2009. 30 декабря.
7. Кудрявцев А. Ограничение свободы в действии // Преступление и наказание. 2010. № 10. С. 3–9.
8. Уткин В.А. Осужденные в колониях-поселениях. М.: Юриспруденция, 2011. 128 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2011 г.